

ВЫШЛИ КНИГИ:

СЕРИЯ «ПОЛЫНЬ – СУХИЕ СЛЁЗЫ»:

РАЗРЫВ — ТРАВА ГОРЬКАЯ
СКВОЗЬ ПЕЧАЛЬНЫЕ ТУМАНЫ
ВОЛКИ СМОТРЯТ В ЛЕС
ОТВОРИТЕ МНЕ ТЕМНИЦУ
ГОРЮЧ КАМЕНЬ АЛАТЫРЬ

СЕРИЯ «ГРЕШНЫЕ СЕСТРЫ»:

ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ
ГОРИ, ПИСЬМО ЛЮБВИ
СУДЬБОЮ РВЕТСЯ НИТЬ

СЕРИЯ «ДОРОГОЙ ДЛИННОЮ:

ТВОИ ГЛАЗА БЕЗДОННЫЕ
ТИХОЙ НОЧЬЮ НА СТЕПИ
ЛУНОЙ БЫЛ ПОЛОН САД
ТЫ ОДНА – ВСЯ ЖИЗНЬ
ЖАСМИН ЕЩЕ ЦВЕЛ
ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО
ВЫШЕЛ МЕСЯЦ ИЗ ТУМАНА
ЗВЕЗДЫ НАД ОБРЫВОМ

СЕРИЯ «МАГИЧЕСКИЕ ТРОПИКИ»:

ДЕТИ ЙЕМАНЖИ
ЖЕНЫ ШАНГО

Анастасия Туманова

ЛУНОЙ БЫЛ ПОЛОН САД

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т83

Туманова, А.

Т83 Луной был полон сад / А. Туманова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 336 с. — (Дорогой длиною).

ISBN 978-5-521-92501-8

Семнадцать лет провела в кочевье Настя — бывшая примадонна цыганского хора. Полузабытым сном кажутся ей бурные ресторанные ночи, звон гитар, сотенные билеты, брошенные цыганкам...Босой и оборванной таборной гадалкой возвращается Настя в отчий дом. И — снова к ногам певицы падает Москва! Могла ли Настя знать, что, вновь обрета поклонников и славу, она потеряет любимого мужа?..

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92501-8

© Туманова А., 2021
© Бенимана Д., оформление, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

*Автор благодарит Фонд цыганской культуры
и истории Николая Бессонова
и артистку эстрады Лялю Молдавскую
за предоставленный материал
для оформления обложки.*

Г Л А В А 1

Над Смоленском висела мгlistая февральская ночь 1895 года. С мутного неба валил снег. Пятно луны иногда успевало пробиться между тучами, и тогда снежные хлопья на миг становились чёрными. Один из узких переулочков возле конного базара был заметён по самым окнам. Вереница крыш скрывалась в снежной пелене, едва темнели кресты крошечной церкви. За кладбищем побрëхивали от холода собаки. В переулке не было ни души, и только одна закутанная в шаль женская фигурка пробиралась через сугробы, прижимаясь к заборам.

Взобравшись на заваленное снегом крыльцо одного из домов, поздняя гостья долго топала мёрзлыми валенками, потом забила пяткой в дверь. Но завывание вьюги напрочь заглушало этот стук, и женщина, проваливаясь по пояс в снег, побрела к светящемуся окну.

— Ге́й! Откройте! Спите, что ли? Илья, Настя! Ро-ма-лэ, откройте!

Внутри долго было тихо. Затем заскрежетала щеколда. Ломающийся мальчишеский басок пробурчал:

— Кого нелёгкая среди ночи?..

Дверь приоткрылась, в щели показалось заспанное лицо цыганёнка лет тринадцати. Он протяжно зевнул, похлопал глазами, потёр кулаком лоб — и вдруг просиял улыбкой до ушей:

— О-о-о! Тётя Варя! О, задья! Откуда ты? Как в такую метель дошла? Мама! Иди сюда, смотри, кто пришёл!

Варька устало улыбалась, снимая с себя промокшие от снега шаль и платок. В маленьком домике поднялся переполюх, застучали двери, из горницы в сени один за другим вылетали взлохмаченные мальчишки, и Варька едва успевала целовать подставленные носы и щёки.

— Уф, боже мой... Петька... Ефимка... Ванька... Да не висните вы на мне, чертенята, замучили насмерть! Илюшка, забери братьев! Где мама?

— Я здесь, Варенька, здравствуй! — Настя выбежала из-за отгораживающей угол пёстрой занавески, на ходу прихватывая платком распущенные волосы. — Как же ты пришла по такой пурге? Господи, больше года тебя не было, всё лето без тебя прокочевали! Как ты? Где была? Куда пропала так надолго? Илья уже с ума сходить начал!

Женщины обнялись, поцеловались. Настя зажгла свечной огарок, подбросила несколько поленьев в едва горящую печь, зашарила по полкам в поисках еды.

— Настя, я есть ничего не хочу. Самовар горячий? Давай чаю. — Варька села к столу, на котором медным боком поблёскивал самовар, и в пятне света отчётливо обрисовался её неправильный профиль с сильно выступающими вперёд зубами. — Ну, рассказывай, — как вы тут? Я соскучилась — смерть! Бросила хор посреди сезона — и приехала повидаться. Где Илья?

— Где ему быть... В кабаке, господ убажают.

¹ Заходи.

— Как его дела?

— Слава богу. Вон — полна конюшня рысаков, меняет, продаёт. Трактир — так, для баловства. Ну, хоть дети старшие при деле, и то хорошо. Да бог с ними, ты-то как? Ты в хоре, что ли, на год застряла?

— Вестимо, где ж ещё?..

— Так рассказывай! — Настя просияла. — Как наши все? Как отец, тётя Маша? Митро как? Ещё сына родил, наконец?

— Какое... Уж устал с женой ругаться за это. Первым Илона ему сына выдала, а потом, видать, разленилась: косяк девок одну за другой... Все здоровы, не беспокойся. Даже бабка Таня не помрёт никак, хотя каждый день грозится. Вот Макарьевна на Покров отдала богу душу. Помнишь Макарьевну-то? Ну, что ж, старая уже была, доскрипывала помаленьку... Наши за ней, как за родной, ходили до последнего дня. У хора дела в гору идут, Яков Васильич — молодцом, как держал всех в кулаке, так и сейчас держит. Тётя Маша внуков скоро солить будет! У одной Стешки — одиннадцать человек, а ещё Алёнка, Симка, Катерина стараются... Про тебя там все помнят, спрашивают.

Настя молчала. За окном пронзительно верещала вьюга, ветер бросал в стекло пригоршни снега. С полатей уже доносилось ровное сопение заснувших мальчишек. За печью стрекотал сверчок. Настя сняла заслонку с печи, и на пол легли розовые пятна света. Они падали на лицо Насти, делая заметными неровные шрамы на левой щеке. Глядя на них, Варька украдкой вздохнула.

— Не обидишься... если спрошу, сестрица? — запнувшись, начала она. — Илья... У него... У тебя с ним сейчас всё ладно? Ничего не натворил, пока меня не было?

— Конечно, ладно. — Настя вздрогнула, отвлекаясь от своих мыслей. — Почему спрашиваешь?

— Ну, всякое же было...

— Было... Было и прошло. Нет, не беспокойся, всё хорошо. Если что, мне бы рассказали давно. Знаешь ведь цыганок. Так бы языки и повырывала!

— Слушай, что ты с ним в трактир не ходишь? — помолчав, спросила Варька. — Хоть бы вечерами при тебе был. И деньги лишние никому не мешают.

— Нет... Куда мне! В хорах красота нужна. — Настя слегка дотронулась до шрамов на щеке.

— Но их же и не видно почти! — возмутилась Варька. — Да ты посмотри, какая ты тоненькая! Другие бабы, шестерых родивши, кадушки кадушками ходят, а ты... У тебя же ни одной морщинки нет! А царапинки эти — такой пустяк, что и говорить нечего!

— Ой, Варька, да что ж ты меня уговариваешь? — Настя тихо рассмеялась. — Что я — девчонка без женихов? У меня, слава богу, муж, дети, — всё хорошо. А в хоре я своё давным-давно отпела. Подожди, свежей заварки принесу.

Она встала, ушла в глубь комнаты. Варька, закусив губы, смотрела ей вслед.

Настя вернулась с мешочком чая. Быстро взглянула на Варьку. Словно прочитав её мысли, подалась к пятну света, обеими руками раздвинула тяжёлые пряди распущенных волос. В смоляно-чёрной массе отчётливо серебрилась седина.

— Вот, взгляни — вся белая, как ведьма! А Илье что... Знаешь, он ведь до сих пор чёрный, как головешка, без единого волоса седого. И бешеный такой же, как раньше, проклятый...

Варька молча пила чай. За окном голосила вьюга. Неожиданно в её пронзительный визг впелась дробь кулаков по обледелой двери:

— Эй! Настька! Открой! Это мы!

— Ну, наконец-то. — Настя встала из-за стола, накидывая на плечи шаль.

Дверь открылась, впус­тив клуб морозного воздуха, и в горницу, на ходу сбрасывая ко­жух, быстро вошёл Илья.

— Вот, Настька! Вот, это всё ты её учишь! — не поздоровавшись, накинулся он на жену. — Доиграемся мы до Сиби­ри с этой девкой, на каторгу я с неё пойду! Родились и кре­стились, а такого не видали: взяла моду господ кусать!

— Господи, что случилось? — удивилась Настя. — Пашен­ной опять приехал?

— Ну да! — Илья в сердцах ударил кулаком по дверному косяку. — Приехал, и с компаниею за полночь засиделись, чего мы им только ни пели! Потом Дашка во двор выверну­лась, воздуху глотнуть, а Пашенной — за ней. Может, ска­зать чего хотел, а эта дура, не разобравшись, его зубами ка­ак... Выгонят её из хора к чёртовой матери! Чтoб первого купца в городе кусать — где это видано?!

— Чего ж он такого сказать хотел, — подозрительно осве­домилась Настя, — что Дашка его зубами достала?

— Не знаю, не слышал... — остывая, буркнул Илья. Бро­сив ко­жух на гвоздь, он провёл ладонью по волосам, стряхи­вая с них снег, шагнул в горницу — и увидел сидящую за сто­лом сестру.

— Дэвла¹! Варька! Откуда ты?! Вот умница, что приехала! Да не обнима́й меня, я мёрзлый, как солонина!

Варька, словно не слыша последних слов, повисла у брата на шее. Через его плечо увидела входящих в дом старших племянников. Шестнадцатилетняя Дашка, улыбаясь, сни­мала лисий полушубок, разматывала облепленный снегом платок. Было видно, что громы и молнии отца ничуть её не напугали. Её чёрные и чуть раскосые, как у Ильи, глаза не мигая смотре­ли поверх головы Варьки в дальний угол. Её

¹ Господи!

брат, красивый, тонкий, как девушка, мальчик, бережно стряхивал снег с футляра скрипки.

— Будь здорова, тётя Варя, — улыбаясь, сказал он, и тут же эхом отозвалась Дашка:

— Будь здорова, тётянька.

— Здравствуйте, маленькие. — Варька поцеловала обоих. — Ну, замёрзли? Давайте-ка с нами чай пить.

Через несколько минут Илья и дети сидели за столом. Настя разлила чай в большие расписные кружки, но посидела со всеми недолго — сославшись на усталость, отправилась спать. Илья, ещё сердитый, вертел в пальцах сосновую щепку, молчал. Его сын не спеша прихлёбывал чай, что-то тихо говорил сестре, и та с улыбкой слушала его. Гришка был очень похож на мать, и Варька невольно залюбовалась тонкими и правильными чертами парня, большими чёрными глазами с длинными, изогнутыми, как у девочки, ресницами, густыми кудрями, ещё мокрыми от растаявшего в них снега. Дашка, в отличие от брата, была точной копией отца: высокие, резко очерченные скулы, нос с горбинкой, широкие, почти сросшиеся на переносице брови, крупные, красивые и ровные зубы. Её полураспустившаяся коса лежала на плече, и на каштановых, с золотым отливом прядях играл свет углей. Варька, болезненно морщась, всмотрелась в невидящие, слепые глаза Дашки.

— И ничего не поделаешь... — покосившись на сестру, глухо сказал Илья. — Поначалу-то, помнишь, мы все ждали — вдруг пройдёт. Старые-то цыгане говорили — проходит такое иногда. И по колдуньям её таскали, и свечи в церкви ставили, и что только Настька не делала... В Ростове однажды попа откуда-то приволокла, целую ночь кадил над ней... А всё без толку. Только недавно Настька утомилась. Чего жилы рвать, раз уж судьба? Эх, знать бы мне тогда... Шагу бы из Смоленска не сделал! Так бы всё лето на печи и пролежал!